per
sge

Язык русской литературы и проблемы его развития

Prof. Boris Ottokar Unbegaun

Citer ce document / Cite this document :

Unbegaun Boris Ottokar. Язык русской литературы и проблемы его развития . In: Revue des études slaves, tome 47, fascicule 1-4, 1968. Communications de la délégation française au VIe Congrès international des slavistes (Prague, 1968) pp. 129-134

Fichier pdf généré le 01/04/2019

BY: creative commons

ЯЗЫК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Б. О. УНБЕГАУН

Настоящий доклад резюмирует проблемы истории русского литературного языка и истории отношения этого языка к разговорной речи в ряде комментированных тезисов. Цель этих тезисов — послужить отправной точкой для могущей возникнуть дискуссии. На большее доклад не претендует. Форма доклада объясняет почти полное отсутствие ссылок и отсутствие полемики.

В двух недавних статьях [1] я пытался обосновать непрерывное развитие, без какого бы то ни было разрыва, русского литературного языка с киевского периода до наших дней. Это положение неизбежно приводит к выводу о церковнославянской природе литературного языка, лишь постепенно русифицировавшегося. Русификация эта протекала неравномерно в разных частях языка. Фонетически церковнославянский язык обрусел с самого начала переноса его на восточнославянскую почву. Морфологическое его обрусение продолжалось много веков и было закончено, за некоторыми исключениями, лишь в XIX веке. Меньше всего русификация затронула синтаксис, подвергшийся в XVIII веке другим, не русским, влияниям. Словарный состав русифицировался очень медленно и, что самое главное, лишь частично. В своей основе словарный состав современного русского литературного языка продолжает оставаться церковнославянским, и не только оставаться, но и развиваться и обогащаться при помощи церковнославянского словообразования. Такие новые слова как *здравоохранение*, *соцсоревнование*, *истребитель*, *хладотехника*, и многие другие, не являются, как принято думать, заимствованными в русском литературном языке из чуждой ему церковнославянской стихии, а просто доказывают, что церковнославянский по происхождению русский литературный язык продолжает существовать и развиваться как каждый живой язык, по своим собственным законам.

[1] « L'héritage cyrillo-méthodien en Russie », *Cyrillo-Methodiana : zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven, 863-1963*, Köln-Graz, 1964, p. 470-482 (*Slavistische Forschungen*, 6). — « Le russe littéraire est-il d'origine russe? », *RÉS*, XLIV (1965), p. 19-28.

Изложенная здесь концепция была сформулирована еще Шахматовым в посмертно вышедшей его книге *Очерк современного русского литературного языка* (Ленинград, 1925). Но Шахматов не пошел дальше провозглашения принципа происхождения русского литературного языка из церковнославянского. В дальнейшем, в той же книге, он уже не говорит о церковнославянской основе, а лишь о церковнославянских элементах литературного языка, как если бы эти элементы наслаивались на какую-то другую, по-видимому, русскую основу литературного языка. Впечатление наслоенности и неорганичности церковнославянской стихии в литературном языке усиливается у Шахматова еще тем, что он рассматривает лишь явные церковнославянские слова, т. е. такие, которые отличаются от соответствующих им русских слов характерными фонетическими и морфологическими признаками. Он совершенно не касается вопроса об огромном слое словаря, состоящем из слов общих русскому и церковнославянскому языкам, тех «славенороссийских речений», которым Ломоносов придавал решающее значение в структуре словаря русского литературного языка.

Если принять тезис о непрерывном развитии русского литературного языка, скажем, от «Сказания о Борисе и Глебе» до автобиографии Паустовского, то слова этого общего «славенороссийского» слоя придется неизбежно признать по существу церковнославянскими, но также и русскими, а не русскими, но также и церковнославянскими, как это, по-видимому, молчаливо принимается в наше время. Как правило, эти общие «славенороссийские» слова не привлекают внимания исследователей, чей интерес сосредоточивается почти исключительно на словах явно церковнославянских и явно русских. Между тем именно этот общий слой и сделал возможным конечное торжество церковнославянского как литературного языка России.

Тезис о непрерывности развития литературного языка в России влечет за собой, таким образом, пересмотр вопроса о месте русской стихии в этом языке. В самом деле, если история литературного языка в России — это история обрусения церковнославянского языка, то приходится говорить уже не о роли церковнославянских элементов в его словарном составе, как это, вопреки своей собственной концепции, делал Шахматов, а о роли русских элементов, постепенно проникавших в этот церковнославянский язык. Нельзя сказать, чтобы этот вопрос не ставился вовсе историками русского литературного языка. Их интересовал, однако, лишь вопрос о проникновении, в сравнительно позднее время, т. наз. простонародных и просторечных слов и выражений в литературный язык, в русской природе которого они уже не сомневались. Они изучали, напр., заимствование из нелитературных слоев языка таких слов как *взбалмошный*, *жулик*, *надо* или *парень*.

История же таких, напр., слов как *город*, *глаза*, *женщина* или *лоб* рассматривалась как успешная борьба против пытавшихся утвердиться в литературном языке их церковнославянских соответствий

град, *очи*, *жена*, *чело*, а не как русификация этих последних, исконно существовавших в литературном языке. Таким образом, вопрос о том, почему град должен был уступить свое место городу, очи — глазам, жена — женщине, чело — лбу, подменялся вопросом о неуспешном соперничестве в XVIII и XIX веках церковнославянских заимствованных слов с исконно русскими.

Из всего сказанного следует, что вопрос о проникновении русских слов в исконно церковнославянский литературный язык должен стать насущным вопросом истории словарного состава литературного языка. Надо сказать, что изучение этого вопроса практически еще не начиналось. Проникновение русских слов началось еще в киевский период, но было замедлено и почти остановлено блестящим возрождением церковнославянского языка в XV-XVI веках, известного под очень неточным и спорным названием «второго южнославянского влияния». Оно стало интенсивным во второй половине XVII века, усилилось и стало бурным в XVIII и приобрело более спокойное течение в XIX веке.

Каковы были источники этого обрусения словаря? Как и можно было предполагать, их было три : (1) письменный нелитературный язык, тот, который обыкновенно известен под названием делового или приказного; (2) язык фольклора; и (3) разговорный язык. Вопрос об обрусении литературного языка, именно в такой его постановке, еще совершенно не разработан, и поэтому пока еще трудно определить относительную роль этих трех источников в едином процессе русификации.

Деловой язык, хотя и обладал письменной традицией, все же был специализирован и не отвечал тем целям, которые ставила себе бурно развивавшаяся литература XVIII века. Попытки применить его в литературе, как, напр., в повести о Фроле Скобееве, были скоро оставлены. Как чисто деловой язык, он был заменен, к середине XVIII века, языком литературным. Язык фольклора, в известной мере, послужил источником заимствований, но самые формы фольклора были все же достаточно далеки от литературных форм XVIII века, чтобы эти заимствования могли принять сколько-нибудь значительные размеры.

Львиная доля заимствований приходится, по-видимому, на разговорный язык, уже в силу того, что им владели и на нем говорили все, кто брался за перо. Приблизительно до середины XVIII века он полностью продолжал традицию Московской Руси. Это был в основе своей крестьянский язык, с заметными географическими, но очень незначительными социальными различиями. Из него в литературу хлынули слова скорее диалектного типа, которые так характерны для русской литературы первой половины XVIII века, особенно 30-х и 40-х годов. Большое количество этих диалектных слов было впоследствии вытеснено церковнославянской традицией литературного языка. Их присутствие придает литературному языку петровского периода колорит неорганической, пестрой смеси. С другой стороны, этот традиционный

разговорный язык часто использовался авторами как язык персонажей комедии, и, следовательно, мог иметь жанровые функции.

Отношение разговорной речи и литературного языка постоянно менялось в XVIII веке. Если литературный язык продолжал в XVIII веке свою церковнославянскую традицию, с одной стороны, и не менее традиционную свою русификацию, с другой стороны, то разговорный язык полностью изменил традиции. Старый, допетровский разговорный язык еще употреблялся почти в полной мере до середины XVIII века. Но во второй половине века область его применения начинает суживаться. Действительно, этот примитивный и в значительной степени диалектный язык не мог больше удовлетворять верхний слой образованного общества, способного уже ценить выработанный и изощренный литературный язык, выросший на церковнославянской основе.

Исследование разговорного языка Московской Руси и предшествующих эпох наталкивается на непреодолимые препятствия просто потому, что разговорный язык нам становится известным лишь из письменных памятников, что само по себе уж является парадоксом. О фонетических и морфологических изменениях русского разговорного языка мы, в сущности, можем судить лишь по ошибкам писцов. Многие синтаксические и словарные особенности разговорного языка вообще не закрепляются на письме, так как мы располагаем лишь текстами, преследующими ограниченные, строго утилитарные цели.

В XVIII веке положение становится несколько благоприятнее, так как разговорная речь попадает в литературные тексты как речь персонажей, гл. обр. отрицательных, т. е. как элемент жанра, но проследить эволюцию разговорной речи во всем объеме и в этом веке представляется делом крайне нелегким. Все же можно утверждать, что перед верхним слоем столичного общества стоял, по-видимому, выбор между традиционным разговорным языком и языком французским, владение которым постепенно становилось обязанностью и признаком высшего общества. Вполне естественно, что выбор пал на французский язык. В большинстве случаев имело место своеобразное трехъязычие : образованные русские писали литературные произведения на русифицированном церковнославянском языке, а говорили на двух языках — французском и традиционном русском разговорном — в зависимости от собеседника и обстоятельств. Совершенно естественно, что в такой комбинации исторически нейтральный, традиционный разговорный язык приобрел печать просторечия. Естественно также, что подобное искусственное положение, с иностранным языком в функции разговорного, не могло долго продолжаться, особенно при быстром проникновении образования во все более широкие слои населения.

Во второй половине XVIII века наметилась новая тенденция в разговорном языке образованного общества. Принятием частью этого общества французского языка, как языка разговорного, была устранена возможность соперничества между языком литературным и тради-

ционным русским разговорным, оттесненным, как уже было сказано, в область просторечия. Сосуществование русифицированного церковнославянского литературного языка и французского разговорного языка по самой природе своей не могло не быть ограничено социально, и поэтому оказалось недолговечным. К концу XVIII века русское образованное общество начало пользоваться литературным языком как языком разговорным. Это была новая победа церковнославянской стихии, не менее важная для дальнейшего развития литературного языка, чем сохранение этим последним церковнославянской традиции в Петровскую эпоху.

Действительно, литературный язык, приняв на себя функции разговорного, оттеснил традиционный разговорный язык на культурную периферию. Тем самым было в большой степени стерто различие между просторечием и диалектами. Это лишило диалекты всякого непосредственного влияния на литературный язык : такое влияние, чтобы укрепиться в литературном языке, должно было сначала пройти сквозь его разговорный, но все же церковнославянский, вариант. Подобные процессы однако все же могли происходить и действительно происходили, но средостение, образованное новым разговорным языком, лишало их той непосредственности и силы, которая была присуща этим процессам во всех остальных славянских языках, где подобного средостения не было, так как разговорная речь в них выросла естественно из диалектной основы. Попытки некоторых русских писателей, начиная с Даля и кончая Солженицыным, обогатить литературный язык за счет диалектов не могли не кончиться неудачей. Отдельные немногочисленные заимствования не идут в счет.

Напротив, литературное происхождение разговорного языка значительно облегчило ему заимствования из культурных языков Запада, в первую очередь из того самого французского, бывшего его предшественником в разговорной практике русского общества. Действительно, культурные термины западных языков, в большинстве своем абстрактного характера, лучше и естественнее укладывались в словарную структуру церковнославянского языка, чем в структуру русского. Это относится как к заимствованиям, так и к калькам. Церковнославянский язык сам всегда был чрезвычайно богат абстрактными словами со сложным словообразованием, многие из которых были кальками с греческого. Недаром кальки с французского, как, напр., « влачить жалкое существование» (traîner une misérable existence), или « питать надежду» (nourrir l'espoir), традиционно облекались не в русскую, а в церковнославянскую форму. Элементы французского и немецкого синтаксиса также находили более родственную и близкую стихию в церковнославянских, чем в русских синтаксических конструкциях.

Литературное происхождение русского разговорного языка спасло русскую литературу от бесплодных конфликтов между языком письменным и языком разговорным, конфликтов, столь тормозивших, напр.,

литературное развитие в Сербии, Болгарии и особенно в Греции. Спасло оно русскую литературу и от множественности «литературных диалектов», столь характерных, напр., для немецкой (Literaturdialekte), и, в еще большей степени, для сербо-хорватской языковой области.

Это единственное в своем роде развитие дает русскому литературному языку завидную монолитность по сравнению с другими славянскими и многими неславянскими языками. Монолитность эта укрепляется еще тем, что, начиная с XVI века, на русском языке не говорили вне пределов русского государства. Поэтому не существовало и не существует оффициально признанных вариантов русского национального языка, как это имеет место, напр., в языках французском, английском, немецком, нидерландском, испанском и португальском, каждый из которых является национальным языком в не менее чем двух независимых государствах, что влечет за собой вполне узаконенные, но тем не менее не всегда удобные варианты одного и того же языка.

Автор считает, что предложенная им схема удовлетворительно объясняет историю русского литературного языка, его структуру, и его отношение к разговорной речи. Не последним ее достоинством является утверждение непрерывности развития литературного языка, в полном соответствии с утверждением непрерывности русской литературы, недавно так убедительно сформулированным П. Н. Берковым [1].

Université de Strasbourg,
New York University.

[1] «Проблема национальных традиций русской литературы XVIII в.», Известия Академии наук СССР, Серия литературы и языка, XXV (1966), стр. 25-30.